

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 22**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 22**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 22 / С. М. Соловьев —
«Public Domain», — (История России с древнейших времен)

Двадцать первый и двадцать второй тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» освещают события со второй половины 1740 по 1748 г. периода царствования императрицы Елизаветы Петровны.

© Соловьев С. М.

© Public Domain

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 22. Царствование императрицы Елисаветы Петровны. 1745–1748 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1745 ГОД

Дело Грюнштейна. – Судьба Татищева. – Вятский архиерей Варлаам. – Насильственные поступки против духовенства. – Обращение инородцев в христианство. – Старание Елисаветы о поддержании православия. – Дело о продаже церковных книг. –хлопоты об издании Библии. – Мысль об иностранной цензуре; канцлер не дает ей осуществиться. – Хозяйственные заботы Сената: забота о соли, дела о железном, полотняном, суконном и шелковом производствах. – Разбои, пожары. – Ревизия. – Семейные хлопоты императрицы. – Свадьба великого князя. – Раздражение против принцессы Цербтской и отъезд ее из России. – Брюммер и Лесток теряют влияние. – Перемена в отношениях Воронцова к Бестужеву. – Отношения России к Западной Европе по поводу войны Фридриха II с Саксониею. – Совещание в Петербурге о том, должно ли сдержать прусского короля поданием помощи Саксонии. – Решение двинуть русское войско на помощь Саксонии. – Дела шведские. – Дела датские. – Дела турецкие.

Не все лица, отправившиеся с императрицей в Москву, возвратились с нею назад в Петербург: недоставало человека очень заметного. Мы упоминали о Петре Грюнштейне, который выставился на первый план между преданными цесаревне гвардейцами во время переворота 25 ноября и в приготовлениях к нему. Успех дела отуманил голову Грюнштейна. Несмотря на богатое награждение за свою услугу, он был недоволен, выказывал притязания на большее значение и старался напомнить о себе самым неприятным образом. Мы упоминали о недостатке соли и о причинах его; но толпа обыкновенно не углубляется в исследование причин и любит складывать всю вину на одного человека; так и тут посыпались упреки на генерал-прокурора князя Трубецкого, и Грюнштейн явился представителем толпы: он пришел к Алексею Григорьевичу Разумовскому и начал ему говорить, что если тот, пользуясь расположением государыни, не убедит ее удалить генерал-прокурора, то он, Грюнштейн, убьет на месте этого явного изменника, спасая императрицу и государство от самого зловерного человека. Трубецкого Грюнштейн не убил – от слова до дела далеко, но скоро он столкнулся с самим Разумовским.

По возвращении императрицы из путешествия в Киев она получила следующую жалобу: 19 сентября в Нежине во втором часу ночи бунчуковый товарищ Влас Климович с женою своею Агафьею Григорьевною со двора от матери Алексея Григорьевича Разумовского, а от своей тещи ехал на свою квартиру и в темноте столкнулся с Грюнштейном, который, выскоча из коляски, начал кричать: «Что за канальи ездят и для чего генералитету чести не отдают, а с дороги не сворачивают?» После чего велел стащить с лошади ехавшего перед коляскою Климовича слугу его Дегтяренко, который сказал, что едет сестрица графа Разумовского с мужем. Услыхав это, Грюнштейн начал бранить Разумовского скверными словами, кричал: «Я Алек-

сея Григорьевича услугою лучше, и он чрез меня имеет счастье, а теперь за ним и нам добра нет, его государыня жалует, а мы погибаем!» – и, крича это, ударил в лицо кучера Климовича и столкнул с козел, велел бить и других слуг Климовича. Когда сам Климович вступился в дело, то Грюнштейн ударил и его по лицу и начал бить палкою; перестал бить только после униженной просьбы жены Климовича. Но когда избитый Климович, садясь в коляску, велел Дегтяренку ехать к теще Разумихе и рассказать ей, как ее зятя лейб-компания избила, то Грюнштейн закричал: «Лейб-компания, принимайтесь!» Лейб-компанцы принялись, схватили Климовича за волосы, повалили на землю и начали бить, и Грюнштейн кричал: «Ваш бог Разумовский воскрес чрез меня, а мы теперь страждем!» И жену Климовича ругали и били дубиною. Между тем Дегтяренко дал знать о происшествии в дом Разумихи, и служня ее прибежала выручать Климовичей. Тогда Грюнштейн закричал: «Нам Разумовских и надобно!» – и велел команде своей бить наповал, насмерть. Тут выбежала на улицу сама Разумиха и стала упрашивать не драться, но вместо того и ее чуть не прибили. На другой день, когда горячка уже прошла, Грюнштейн пришел к Разумихе и требовал письменного заявления, будто зять ее Климович его бранил и намеревался бить тростью. Разумиха отвечала: «Как забойство начали делать, так и расписку в Москве берите». Грюнштейн сказал на это: «Меня государыня жалует: я не только зятю вашему, но хотя бы и сыну вашему не уступил» – и с этими словами вышел.

До сих пор Грюнштейну все сходило с рук, его государыня жаловала, в нем заискивали как в человеке опасном для врагов и при случае очень полезном для друзей. Но столкновение с фаворитом и в такой форме не могло пройти даром. Немедленно по возвращении в Москву Грюнштейн попал в Тайную канцелярию, потому что вспомнили о других делах, о которых, может быть, и позабыли бы без нежинского происшествия. Грюнштейна спрашивали: 1) до киевского похода ты объявил императрице, что тебе в окно подкинули письмо, где было сказано, что лейб-компания ее величеству ненадежна, и сказал императрице, что ты это письмо изодрал, тогда как ты его и распечатывать не смел, а должен был отдать куда следует. Грюнштейн отвечал: «Письмо было не запечатано, и в нем было написано, что француз прислал в Москву деньги, чтоб перевести лейб-компанию, а сказал я императрице, что лейб-компания ей ненадежна в этом смысле, и когда Шетарди выслали, то я письмо разодрал как ненужное больше». 2) К камер-юнгфере Беате Андреевне ты приходил и сказывал, что компания великая собирается и тебя звали. Грюнштейн отверг это показание, но объявил следующее: «Я был в ссоре с князь Никитою Трубецким, и помирил нас Брюммер в комнате принцессы Сербской (Цербстской). Брюммер давно мне говорил: „Помиришь с князь Никитою, потому что он человек добрый“. „Как добрый? – сказал я. – Он интересан!“ „Если б не он, – говорил Брюммер, – то мы таких проклятых дел не знали бы: надеялись (враги наши), что великий князь не женится на молодой принцессе (Цербстской). И старая принцесса упрашивала меня помириться с Трубецким. После мира, отведши меня к окну, Трубецкой говорил: „Вот когда б ты болен не был, то увидел бы ты, как российский генералитет и сенаторы веселы были, когда прибыла великая княжна; они смотрят в землю и прибытия великой княжны не желали, хотели принять польскую принцессу“. „Все ли они таковы?“ – спросил я. Трубецкой отвечал: „Голицыны добрые люди, особенно князь Михайла. Чрез архиереев ее величеству толковали, что свадьбе быть нельзя – родня! А ты сам рассуди, что на мне польской кавалерии нет; я растолковал ее величеству, что свойства нет; понеже лютерская вера еретическая, а когда великая княжна приняла уже православную веру, то уже за свойство признавать не надлежит“. И при том Трубецкой весь генералитет и Сенат уничтожил и объявлял, что свадьба великого князя чрез него одного сделана“. 3) Ты говорил лейб-компании вице-сержанту Ивинскому, что теперь, кроме бога, служить никому не хочешь; в какой силе такие слова говорил? Грюнштейн отвечал: „В той силе, что болен; думаю, что скоро умру, и думал проситься в отставку“.

Наконец дело дошло и до нежинского происшествия. На вышеизложенное обвинение Грюнштейн отвечал, что начали ссору люди Климовича, требовавшие, чтобы он очистил

дорогу, ругали его и замахивались плетью. Климович бил его палкою, он только оборонялся; Климович замахивался на него с обнаженною саблею, но другие лейб-компанцы отводили удары. У матери Разумовского он был и докладывал, что зять ее его бил, причем отнято у Климовича оружие, и не хочет ли она это оружие взять под расписку; говорил, что для Разумовского он на Климовиче искать не будет, но чтоб Климович впредь так не поступал, генералов не бил.

Дело перешло в 1745 год. 18 февраля был дополнительный допрос Грюнштейну, который объявил, что утверждается в прежде сказанном. Свидетель лейб-компанец Журавлев показал, то Грюнштейн с командою остановился ночью в Нежине на большой киевской дороге и люди мазали колеса при свечах, как вдруг на дороге показалась коляска с двумя верховыми наперед; один из вершников кричал, чтоб очистили дорогу, и всех бранил непристойными словами; Грюнштейн стал отругиваться; тогда Климович, вышед из коляски и подойдя к Грюнштейну, ударил его палкою по голове раза три или четыре; Журавлев ухватил палку, а Грюнштейн, усмехнувшись и перекрестясь, ударил Климовича по щекам раза три или четыре. Через день после этого допроса Грюнштейна привели в застенок: он признался, что о подкинутом письме донес ложно, но относительно ссоры с Климовичем утвердился на прежних показаниях.

Следователи Ушаков и Александр Ив. Шувалов подали мнение, что Грюнштейн не только подозрителен, но и очень виновен оказался, потому что делал ложные доносы. У Грюнштейна с Журавлевым, должно быть, стачки; надобно бы допросить других свидетелей – лейб-компанцев, но у них должна быть также стачка; надобно будет пытаться, от чего может произойти немалое кровопролитие, а истины найти нет надежды, и потому следствие надобно оставить. Императрица велела сослать Грюнштейна с женою и сыном в Москву, где он содержался в Тайной конторе, потом отправлен в Устюг.

В том же 1745 году произнесено было осуждение гражданской деятельности одного из птенцов Петровых, одного их самых видных членов «ученой дружины», созданной временем преобразования. Мы оставили Татищева в 1739 году, когда он был отдан под суд. Жалобщиков на злоупотребления Татищева легко было найти, когда против него был Бирон. Во время регентства Бирона Татищев, разумеется, не мог ждать для себя ничего хорошего; но после падения регента дела его не поправились, потому что при новой правительнице близким человеком был враг его граф Михайла Головкин. Татищев обратился к сопернику Головкина Остерману, и тот присоветовал ему просить прощения в винах; не видя другого выхода, Татищев исполнил совет, но подвергся только напрасному унижению: судная комиссия по его делу не прекратила своих работ. 31 июля 1741 года состоялся указ о назначении Татищева к калмыцким делам, поручение трудное и важное в то время, но сановник, на которого оно было возложено, оставался по-прежнему под судом.

Мы видели, как много хлопот было русскому правительству с калмыками при Петре Великом и его преемнице, видели здесь деятельность Волынского и жалобы его на трудность дела. Волнение не прекращалось между варварами. В 1731 году Дундук-Омбо поразил наместника Черен-Дундука, принудил его бежать в Саратов и овладел 15000 кибиток, но, не смея вступить в борьбу с русским войском, ушел в крымскую сторону. Черен был восстановлен, но русское правительство убедилось окончательно в его неспособности и решилось отослать его в Петербург, вызвать Дундук-Омбо и дать ему ханство. Дундук-Омбо служил верную службу во время турецкой войны, опустошая кубанские владения татар, но после смерти этого энергического хана начались опять в степях волнения, для прекращения которых и был отправлен Татищев. В то время как он исполнял свое трудное поручение, мирил калмыцких князьков, так, однако, чтоб оставалась всегда возможность ссор, т. е. чтоб новый наместник ханства Дундук-Даши не мог усилиться окончательно, в это время в декабре месяце приезжает к нему из Петербурга капитан Приклонский с известием, что воцарилась дочь Петра Великого, что Головкин под арестом, а Трубецкой, Черкасов и Бестужев, с которыми у Татищева была старая

дружба, в большой милости. Новая императрица велела сказать Татищеву, что она его помнит. Татищев отвечал ей «Присланный от вашего имп. величества капитан Приклонский объявил мне словесное вашего имп. величества всемилостивейшее о мне, недостойном рабе вашем, напоминание. А понеже я чрез так многие годы за мои верные и радетьельные к их величествам и государству службы от злодеев государственных тяжкое гонение и разорение терпел и в таком отчаянии находился, что ничего, кроме крайней гибели, ожидать не мог; ныне же нечаянно яко во тьме сидячего оставший свет Петра Великого паки на меня воссиял и единою печаль и страх отрешил: того ради наипаче сего вашего имп. величества показанную ко мне, недостойному, милость чувствуя, хотя возблагодарить и заслужить до гроба моего не могу, но только прошу всещедрого бога, да умножит лет живота вашего имп. величества и утвердит престол в наследии Петра Великого в бесконечные веки неподвижно».

Радость Татищева была, впрочем, непродолжительна: его не вызвали в Петербург, оставили при прежней трудной калмыцкой комиссии, присоединив к ней не менее трудное управление пограничною Астраханскою губерниею; судная комиссия над ним не была закрыта, следовательно, печаль и страх не были отрешены. Причиной было то, что Татищеву из Астрахани трудно было следить за петербургскими отношениями, поддерживать дружбу сильных людей и отражать удары могущественных врагов. Злой враг Татищева Головкин был сослан, но на его место с важным значением сенатора и председателя Военной коллегии в большой милости при дворе явился из ссылки старый фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий, который не мог простить Татищеву за ревностное участие в уничтожении замысла верховников, что повлекло падение Долгоруких. Надеясь на старую дружбу с князем Никитою Трубецким, одним из членов «ученой дружины», как видно из отношений к нему Кантемира, Татищев вел деятельную переписку с генерал-прокурором, не зная, что между Трубецким и Бестужевым непримиримая вражда. Бестужев сердился на Татищева и вредил ему по Иностранной коллегии, куда астраханский губернатор должен был постоянно обращаться по делам калмыков и других пограничных народов. Наконец, Татищев имел неосторожность вооружить против себя принца Гессен-Гомбургского, оспорив его проект о построении астраханской крепости. Мы должны привести переписку Татищева с Черкасовым, потому что она имеет далеко не один биографический интерес.

21 января 1742 года Татищев уже писал Черкасову: «Понеже я, как вам, чаю, уже небезызвестно, за мои верные к государям и государству услуги от злодеев государственных так гоним и разоряем был, что уже не рад был животу, и хотя многократно об отставке просил, токмо и того к большому мне огорчению не улучил, ее же имп. величество о том неизвестна, и, опасаясь, чтоб мои злодеи не нашли способа более меня оскорблять, принужден вам, как моему другу, обстоятельно донести. Вам, чаю, памятно, как государыня Екатерина Алексеевна в 1724 году с великим обнадеживанием изволила меня определить в Монетную канцелярию, где я столько труда моего изъясил, что ее имп. величество всемилостивейше изволила письмом обнадежить, что мой труд без награждения оставлен не будет; однако же за скорою кончиною ее величества того лишился. Потом я в учреждении монетном хотя явные великие пользы приобрел, но по злости на меня бывшего графа Головкина и лакомством Бирона от того отрешен; компания передела мелких денег невинно разорена, и немалая сумма с монетных дворов под именем новой прибыли потеряна, причем Головкин с Дудоровым довольно получили, в чем явно обличиться могут дела их. В 1734 году ее имп. величество повелела меня отправить в Сибирь для размножения заводов, где я чрез три года так оные размножил и старые исправил, что без сумнения надеялся высочайшую милость ее имп. величества и довольное награждение получить, особливо видя всегда в указах всемилостивейшие обещания, ни о чем более, как о пользе государственной, прилежал, токмо и в том обманулся тем, что Бирон, увидя от заводов так великую государству пользу и прибыль každогодную, вознамерился себе доход похитить, и вначале определили начальником саксонца Шомберга, который ничего о железных заводах

и о пользе нашего государства не понимает, и оному меня подчинили, а вскоре потом меня отлучили и чрез имя болохонца Осокина главные заводы Благодать похитить вознамерились, чему я явно с твердыми доводами противное мнение представил; они же, оставя ту околичность, явно отдачу Шомбергу или паче тому бывшему герцогу отдали, а на меня крайне озлобились и заводы оные с великим государству вредом разорили.

Сия его злоба хотя мне довольно видима была, и видел, что искали порока, но не нашли, в 1737 году перевели меня в Оренбургскую комиссию, которую, как видно, по обману Тевкелева и Кириллова для частного великого прибытка начали, я ж, прибыв, усмотрел, что оное вымышлено более для собственной, нежели казенной, пользы, стал истину доносить и те обманы обличать, которым того бывшего герцога и Остермана наипаче озлобил. За сие, как они скоро свести, что Тевкелев и другие за их неправости и беспорядки смиряемы, жаловались на меня, то Остерман велел им бить челом и представил ее имп. величеству, по оному велели меня спросить, то секретарь бывший Яковлев сочинил мне вопросные пункты, противные форме суда и точным указам, ибо имя челобитчиков не показал, из челобитья избрал непорядком, но смешивали один пункт разбил на многие, а многое от себя прибавил, чего в челобитье нет. Получаю они мои ответы и видя, что все те клеветы с доказательством опровергнуты, а доносители плутовства обличены, наипаче озлобясь, доносили ее величеству, будто тяжкие преступления мои явились, и, учредя особливую комиссию, и велели для учинения мне обиды судить, выбирая из гражданского и военного прав, и хотя комиссия или за страх, или собственными прихотями чрез три года прилежно и разными образы трудилась, токмо обвинить меня чем не нашла; потом как милостивые указы от бывшего герцога курляндского и потом от принцессы Анны объявлены и все комиссии велено оставить, но по моей велено накрепчайше следовать; и хотя я не одну челобитную подавал, прося о скором и справедливом того решении, но, видя, что то не успевает, по совету от Остермана чрез его креатуру подал повинную, прося в винах прощения, ибо я, видя себя в крайнем разорении, принужден то учинить, но никакой милости не получил. Затем я, хотя не скоро, как для важного дела отправлен, но вместо мне поохочивания, жалованья удержанного не выдано и определенного на сей год выдана половина, а в комиссии подтверждено, чтобы накрепчайше следовали за мной. Сие как мне огорчительно и страшно ни было, ибо видел, что меня в такое трудное дело определили без всякой помощи, а особливо и без инструкции отправили, прилежал колико возможно верность мою засвидетельствовать и благодатию божью сделал столько, чего господа министры не чаяли, и калмыцких ханов в такое подданство и порядок привести, в каком не бывали. За сей мой труд получил от ее имп. величества всевысочайшую грамоту с похвалою и высоким обнадеживанием, но на той же почте указ от бывшего Кабинета с великим мне оскорблением и обидою, которым мне повелено по затейному челобитью ведомого вора и публично наказанного Семена Иноземцова против уложения и формы суда ответствовать. И хотя я присягать готов в том, что невинен, и челобитья так бездоказательного, а паче, что он бил челом на меня, перво в держании невинном под караулом, а спустя четыре года стал показывать взятки и свидетеля представляет казанского купца Микляева, о котором я слышал, что г. камергер Брылкин, как обязанный друг явного плута Иноземцова, принудили письмо дать, того ради посылаю при сем челобитную и прошу вас, моего государя, оную при удобном случае подав ее импер. величеству, решение исходатайствовать, а наипаче просить господ министров о выдаче мне невинно удержанного жалованья и чтоб меня отсюда взяли, ибо я для пользы и чести импер. величества в великий убыток напрасно вошел, которое прежде всем было давано казенное, и для того ныне принужден здесь занять 1000 рублей, надеясь, что от ее величества оставлен не буду, и на вас, как на моего друга, надеясь, пребываю всегда» и проч.

В феврале того же года Татищев так описывает Черкасову состояние Астраханской губернии и на свое назначение туда губернатором смотрит как на заключение в тюрьму без объявления вины:

«По воле ее импер. в-ства, хотя и без объявления вины, в сие узилище я определен, где и чрез несколько дней, рассматривая с прилежанием, вижу, что сия губерния так разорена, как недовольно сведучей поверить не может, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудие и порядки едва когда слыханы, что за так великим отдалением и недивно. Причина же сего есть главная что неколико губернаторов сюда вместо ссылки употреблялись и, не имея смелости, или ничего, или боясь кого по нужде, неправильно делали, а может, и то, что, не имея достаточного жалованья, принуждены искать прибýtка, невзирая на законы; особливо здешняя канцелярия более от того беспорядочна, что секретарям и подьячим дел таких, от которых достаточный доход иметь можно, мало, а жалованья нет, то принуждены коварствами и беспорядками доставать; купцы сильнейшие чем более торгуют или от чего им великое обогащение, как токмо от хищения казенных и разорения бессильных, они же, не желая к защищению их, как мню, не скупно предстателей закупили, то и видя их непорядки, нужно губернатору смотреть сквозь пальцы, опасаясь, чтоб и за верность, как я в том искусился и так равномерно о себе рассуждаю, что и от меня ее импер. в-ство и сия губерния пользы видеть не могут, ибо мне, не имея надежды и смелости, более прежде бывших трудиться невозможно».

1743 год Татищев начинает теми же жалобами и просьбами об освобождении из тюрьмы.

«Я твердо уверен, что вы к показанию ко мне милости и ко освобождению от сего узилища труд прилагать изволите». Причины своего желанья освободиться из Астрахани Татищев выставляет следующие: «1) губернские дела и сборы, или доходы, весьма упущены и люди разорены, и хотя б поправить можно, только надобно снабжение людьми и власть, без которого исправить не можно, а Камер-коллегия, не рассматривая обстоятельств, бранит и штрафами грозит, мне же, видя такое упущение, весьма небезгорестно, что имея к исправлению смысл и желанье, да не могу. 2) Пограничные дела тако ж не в надлежащем порядке находятся, а паче как дознаюсь оттого, что господам министрам Иностранной коллегии к рассмотрению времени недостает, а я оное писать опасаясь, чтоб более злобы не нажить, к тому же мимо коллегии о тех делах писать запретили. 3) Вы уже довольно известны, что я за мой труд и немалую по Калмыцкой комиссии услугу вместо милостливого награждения терплю обиду и стыд, но чтобы вам при случае можно обстоятельнее говорить, для того оные пространнее представляю. По губернии имеем токмо три канцеляриста: один у иностранных, один у прокурора, один у судных (дел) и прихода; подканцеляристов и копиистов с пьяницами и негодными – девять, коими никак по указам исправить не можно. Татарский судья Шахматов хотя более вреда, чем пользы, приносит, и татары более от его лакомства и несмотрения разбежались, токмо он под протекциею коллегии ни на кого не смотрел; однако ж я, несмотря на то, велел его судить и на место его иного определить. Сборы кабацкие, таможенные и прочие от того упущены, что здесь за малостью купцов или посадских принуждены, переходя от одного сбора к другому, все у дел (быть), а никто не считан и считать нельзя, от неимения же страха крадут как хотят, и вы, как чаю, известны, как невероятно великая доимка со здешних прошлого года сложена, почему и впредь не меньше, если не усугублена будет. Не упоминаю о рыбной и соляной конторах, которые особо правятся, и армян, что от посада уволены, а торги имеют более посадских, чрез что здесь русским купцам в состояние придти не можно. Мне же, видя, что каждый своих протекторов имеет, а в Сенате, по моим представлениям, злоба бессовестная, или недосуги ко внятному рассмотрению несходные резолюции, или молчание вижу: и так принужден молчать. По коллегии Иностранной ныне я получил указ, чтоб комиссию калмыцкую оставить и служителей в Москву отпустить: оное хотя, мнится, не довольно рассматривая поспешили, но я рад, что тех хлопот избавился. В Персии, как вижу, интересы весьма в презрении тем, что в такое нужное время определен мальчишка переводчиком Братищев, который, кроме беспутно многоречивой реторики, весьма мало дела знает и пишет такие обстоятельства, что смотреть иногда стыдно. Правда, что он, видя предков своих Аврамова и Калущкина из такого ж убоже-

ства, хотя чрез многие годы, и не знаю, если с пользою российскою сходно, великое богатство по 100 или 200000 рублей нажили, не ленится собирать и друзей или протекторов искать, да как сие полезно государству, не знаю, а я бы мнил послать человека надежного, несмотря что языка не знает, ибо у нас в Турках и Персии никакой министр, знающий их языка, не был, а дела лучше знающих правила; мне же видится, что ныне посланного советника грека туда норовят, токмо не знаю, с каких рассуждений такому доверять. Что моей обиды принадлежит, то известны вы, что я при его импер. в-стве Петре Великом пожалован советником в Берг-коллегию с жалованием полным по 600 рублей; потом был в Сибири и оренбургской миссии у военной команды, жалование полное против армейских получал; при отправлении же сюда в указе из Кабинета в Сенат написано – жалование выдать полное, но Головкин, послав рен-терею, велел выдать половинное за прошлый год, а за сей уже никакого не имею, и хотя я не могу сказать, чтоб мне без онаго жить было нечем, токмо тяжка обида: генерал-поручик Бакар и генерал-майор Долгорукий без меня делать ничего не могут, я должен им советом и делом помогать, наставлять и за ними надзирать; они полное жалование получают, но мне ничего. Да и просить уже более ничего не смею, токмо увольнения от всех дел, дабы единою от таких беспорядков и досад, а паче пред богом и государственных ответов свободиться».

Чем начал Татищев 1743 год, тем и кончил. В декабре он писал Черкасову: «Ныне, видя себя в крайней горести, принужден вас, моего государя, яко надежного благодетеля, просить, чтобы меня отсюда взять и, если я ни к какой услуге не гожусь, в дом отпустить, ибо от клевет ненавидящих никакого полезного дела начать, ни прилежно на поступки подчиненных смотреть и от продерзостей удерживать не можно, терпеть же видимые беспорядки и вреды, мнится мне, против должности и присяги моей. С великою мне горестью слышу рассеянные на меня от моих злодеев сущие клеветы, якобы я персидских денег ни в казну, ни другим купить не допускал, а купил на себя многие тысячи; другое, якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею; третье, якобы я у пойманной мною ханши Джины (вдовы Дундук-Омбо) насильно шубу соболью отнял».

Если было много людей, которые отзывались неодобрительно о поведении Татищева, выпускали о нем «сущие клеветы», по его выражению, то и сам он в постоянном раздражении не щадил других; ни одно распоряжение правительства не заслуживало его одобрения. Самолюбие последнего «из ученой дружины» было страшно оскорблено; он считал себя способнее многих, а между тем эти многие, находясь у источника власти, распоряжались, не спрашивая его совета, а он был загнан в «узилище», откуда голоса его не было слышно. В октябре 1744 года он писал Черкасову:

«Рыбный промысел здесь в полной конфузии, что промышленникам отказали, а Раевскому вступить не можно, прибыльщики или откупщики ничего не знают, работников нет, деньги растеряют и, чаю, прибыли не сыщут, только я не вступаюсь. Слышу, что князя Михайлу Голицына послом в Персию посылают, а как довольно знаю, что человек хотя не глуп, да не развязен, опасно более худа, особливо что мы при настоящем случае могли бы многую пользу приобрести, если человек способный, и лучше князь Алексей или Иной кто проворный и ласковый, особливо не скупой». Тут же Татищев писал Черкасову, что может принять на себя составление истории Петра Великого, и представлял условия: «О Гистории Петра Великого хотя мне сама государыня императрица Анна Иоанновна изволила говорить и госпожа Чернышева по приказу ли или собою неоднократно говорила, но я, ведая намерение, отговорился тем, что лгать не хочу, а правду писать может кому противно будет, ибо много тех, которые сущую правду за обиду почтут; ныне же тех многие уже пресекутся или под защитою ее имп. в-ства будут безопасны, то приняться можно, если потребное к тому не оскудеет и суще: 1) люди не столько для письма, сколько для искания времен тех по чужестранным гисториям и совета, каким порядком, согласно с правилами гисторическими, изъяснить, ибо славный гисторик Пуфендорф, сочиняя шведскую, а потом бранденбургскую гисторию, знатных и в немалом помощи и кон

имел. 2) Денег к тому немного надобно, кроме жалованья, но и те более от других услуг получают. 3) Чтоб потребные известия отовсюду давали, о чем и прежде во все губернии, помнится, в 1736 году указы посланы, чтоб к сочинению географии мне требуемые известия прислали, и многое получено, но туне осталось. 4) Дом, и более ничего, и, если ее имп. в-ство за способность меня к тому усмотреть изволит, я с охотою трудиться готов, и ваше превосходительство произведением так полезного всему государству дела немалую честь приобрести можете, а ее величество более, нежели великим иждивлением древле в Египте и Риме музолееми или надгробными великими строениями, таковою историею вечную память и славу родителю своему и отцу всея империи бесконечно устроить, следственно, и ее величеству слава и благодарение бессмертное умножится; но за всем тем я, помня приказ мне последний отца моего ни на какое дело не напрашиваться, но от тягчайшей услуги не отбиваться, так единственно остаюсь в воле и повелении ее импер. величества».

Вслед за этим письмом написал, он другое, в котором представил перечень своих заслуг, а вместе и неприятностей, претерпанных им с самого начала служебного поприща: «Что моей здесь горести и едва сносной трудности принадлежит, то я воистинно рад бы как можно отсюда освободиться, ибо вижу, что, хотя много трудился и верную услугу мою показал, яко вся Калмыцкая комиссия, в персидских, кабардинских, салтонутских и киргизских делах столько сделал, чего более требовать не могли, и в указах вижу, чего не надеялись; внутренние же: канцелярию весьма в лучший порядок привел, дела трудные, чрез много лет тянувшиеся, по крайнему разумению, не лстяся ни на какие посулы, по правости и законам перевершил, обиженных прилежу оборонить, и воров, и разбойников надлежаще осудил, здешнему городу Многие пользы открыл и показал, доходы казенные умножил и тягостные народу или вредительные частию отставил, частию и рассмотрению представил, но за все оное не токмо награждения не вижу, но и надежды не имею, паче же от злодеев горестное оклеветание и поношение терплю, и, мой труд другим приписав, награждение и милость у ее величества исходатайствовали, мне же и жалованья дать не хотят. Ваше превосходительство довольно зная прежние мои приключения, сколько я терпели, несмотря на злость сильных и чинительные мне препятства, верно государю и государству служить прилежал: 1) Демидов чрез адмирала графа Апраксина так меня пред его величеством (Петром В.) оклеветал, что все думали о моей гибели, но я, ведая мою правду, надеясь, что его величество сам дело внятно рассмотрит и неправую клевету наказать не оставит, смело поступал и, оправдався, большую его величества милость получил. 2) По смерти его величества сколько Меншиков за вымышленные им вредительные деньги на меня озлобился, что в ссылку послать указ в Сенат записал, но, устыдясь сам, и милостью ее величества тогда я избавился, яко невинный. 3) Долгорукие перво с вами в ссылку послать определили; потом, как они вознамерились честь государя и целость отечества разрушить, которым я, сильно воспротивясь, с прочими удержал, они, мне виселицу и плаху суля, сами посрамились. 4) Бирон, ища себе ненадлежащей власти и силы, вздумал, что я ему в том, яко же и в похищении великого от сибирских заводов дохода, препятствовать буду, разными образы искал меня губить, перво ссоривал с Черкасским, Салтыковым и Головкиным, что всем было известно; но, видя, что недостаточно, принудил на меня плутов бить челом и незаконно судить велел, дважды без всякой вины под караулом держали; но бог по невинности моей меня избавил. Ныне Долгорукий, вспомня ту злобу, смертельно меня обидит, поносит и бранит и может что и ее величеству клеветать; токмо я не ужасаюсь, ведая, если б я его злобу ему явно истолковал, то как он, так и другие со стыдом принуждены были меня в покое оставить».

Но враги не хотели оставить Татищева в покое, и в начале 1745 года он мог ясно увидеть, что человек, на дружбу которого он больше всего полагался, Черкасов, счел нужным для себя уклониться от посредничества между ним и императрицею: он дал знать Татищеву, чтоб он доносил о делах прямо императрице. Старик, однако, не понял намека и по-прежнему отвечал Черкасову длинным письмом: «Хотя я многим письмом на сей почте вам скучен явлюся

и, может, осердитесь, токмо сейчас услыша от Кобякова приказ ваш, чтоб я о делах нужных прямо ее импер. величеству доносил, и сие бы весьма ее величеству полезно быть могло, ибо такими случаи можно бы многие пользы произвести и вредные упушения пресечь; но противу тому к государю надобно с доношением дерзнуть такому, кто б довольно на собственную ее милость или на сильных защитников надеялся, в чем я наипаче всех недостаточествую, и хотя подлинно имел бы нужду всеподданне донести, но за страх большее злодейство на себя нанести принужден с терпением оставлять. Два дела, которые весьма требуют внятного рассмотрения: 1) калмыки сначала поручены были мне в полную власть, и оное я начал было в такое состояние приводить, чтоб Россия вечную пользу от них иметь, а опасностям, как прежде происходили, никаких страхов иметь не могла, к чему главный способ, чтоб, у хана власть отняв, более вверить губернатору; но ныне оное все превращено, и наместник Дундук-Даши, как человек великого коварства, такую силу и власть получил, что уже не малой опасности виды показались, и хотя я многократно о том с различными представлениями доносил и требовал скорой резолюции, також и он, наместник, послал посланца, а ответы чрез 4 месяца получить не можем, чрез что он более в сумнительстве остается, и я что делать не знаю, жаловаться же самое было бы мое безумие. 2) Я многие вижу здесь в тягость и неправильно положенные сборы, яко орешной, свешной, извозной, водовозной, дворянской, все без указов от губернаторов в тягость и разорение народа прежними губернаторы введены; противно тому, подлежащие в казну доходы беспорядками весьма упущены, а наипаче кабацкие и таможенные хотя гораздо умножил, но если бы дали в полную власть, то б чаял еще столько умножить, о чем в разные коллегии и Сенату представлял, которое оставлено было от приехавшего слышать неповинные на меня сумнительства и злостные оклеветания, яко первое дружба или переписка с Трубецким поистине никакому сумнительству подвержено быть не может, ибо в том никакой противности пользе ее величества нет, но паче для умножения пользы нужное, ибо мне часто случается о скором по посланным доношениям решения просить, и, вместо того что другие у обер-секретарей того ищут, я по старой дружбе его просил, когда же он за представление мое о рыбных промыслах озлобился, також увидав, что другие меня перепискою тою бранили и за то, хотя неповинному, мне злодействовали, то я оную пресек и сего года ни одного письма не писал и писать не буду. Другое, о взятках: сие наипаче удивительно; во-первых, от подрядов, какого они звания есть, я подписаться готов, что никто копейкою не обличит, и, когда соленые приносили, отказал и не принял. Судебных дел весьма мало, и в тех такой обычай имею, ни от кого обещания не слушая, меньше же прошу, в чем меня никто обвинить не может; но когда кому благоденствие сделаю, то я по закону божескому принять приносимое без зазрения могу. Что же о армянах упоминал, что я в их пользу и увольнении от магистрата старался, оное по должности, яко о пользе государственной, писать имел причину и ничего от них за то не бирал, в чем под смертью подписаться готов. Сие довольно видимо, что я, их тем обнадежа, знатных капиталистов в подданство российское призвал и фабрики знатно чрез них умножил; но ныне, как от Главного магистрата указ услышали, весьма опечалились».

Письмо было написано 23 апреля, а уже двадцатью днями прежде, 3 апреля, в Сенате было решено дело по докладу старой следственной комиссии над Татищевым. Решение состояло в следующем: употребленные тайным советником Татищевым без указов, произвольно в ненадлежащие расходы казенные деньги и полученные взятки и подарки взыскать с него, а именно: 1) издержанные на строение им в Самаре дома и канцелярских покоев 2645 рублей; а всем ли обывателям за сломанные у них дворы деньги Татищевым безобидно выданы, о том Оренбургской губернской канцелярии, исследовав, прислать в Сенат доношение. 2) Если не заплатил 1050 рублей за взятую им казенную золотую и серебряную посуду, то взыскать и эти деньги. 3) Взыскать 195 рублей за полученные им с русских купцов взятки овчинками, волчьими мехами и лошадьми. 4) Взыскать за упущенную сумму в отдаче им в новостроящихся городках питейной продажи на откуп с уменьшением оклада против акцизного сбора. 5) Взыс-

кать 30 рублей за передаточные деньги при покупке лошадей в казну. 6) Взыскать 126 рублей за взятки лошадьми с инородцев. 7) Взыскать 36 рублей за взятых у донского атамана и есаула лошадей. 8) За взятые с них же волчьи меха и лошадей 76 рублей. 9) 300 рублей, взятые с купца Кубышкина за немедленную выдачу казенных денег при подряде вина. 10) 50 рублей за двойное взятие из казны денег на покупку красных юфтей. 11) 36 рублей за лошадей, взятых с воров-башкирцев за отпуск их из-под караула на поруки. 12) 1441 рубль, издержанные на канцелярских служителей, курьеров и на канцелярские принадлежности, тогда как эти издержки велено было производить на счет виноватых по Оренбургской комиссии. Татищев явился виновным также: 1) в отправлении при ташкентском караване собственных товаров. 2) По смене брата своего родного Никифора Татищева, бывшего комиссаром по Оренбургской экспедиции, не считал его в канцелярии, но отправил к нему нарочно бухгалтера и протоколиста Маркова без канцелярского определения сек плетьюми. 3) Во время приезда в Оренбург к присяге киргиз-кайсацкого хана Абулхаира выдал жалованье непорядочно: прежде хану, салтанам и старшинам и Средней орде, что Меньшая орда поставила себе за обиду, и при раздаче жалованья киргизы поссорились, а главный старшина Меньшей орды. Буксибаи-батырь без присяги уехал, да и киргизов Средней орды Татищев привел к присяге не всех, а только старшин; жалованье раздавал один, без общего согласия и канцелярского определения, протокол сочинил сам и закрепил один спустя не малое время. 4) Отпустил главных заводчиков воровства, башкирских старшин, не отослал в комиссию башкирских дел к следствию и розыску. 5) Не исполнил решения консилиума 1736 года, не выслал воинских команд для скорейшего прекращения башкирского бунта раннею весною и в распределении по границе войск учинил оплошность. 6) В 1737 году подал неосновательное представление, что полковник Бардекеевич брал башкирских лошадей, скота и прочее, и тем привел Бардекеевича к следствию напрасно; в 1740 году комиссия оправдала его, с чем согласились и кабинет-министры. Поэтому взыскать с Татищева жалованье, которое не получил Бардекеевич во время следствия над ним.

Татищев прислал оправдание: строение в Самаре производил он не без указа, ибо в инструкции Кириллову и ему велено поступать по своему рассмотрению и в строении городов дана полная власть. Относительно казенной посуды все вычтено из жалованья тогда же, на что он имеет квитанцию. Юфть требовалась в казну, и он продал свою с уступкою против торговой цены. Относительно взяток овчинами, волками и лошадьми челобитчиков нет и судить нельзя, о цене, кроме доносителя, никто не показал, но таких дорогих лошадей у кайсаков, где они куплены, никогда не бывало. С отпущенного башкирца лошадей он не брал, а что ханские дети дарили лошадей, то не брать было нельзя по обычаю, и он отдал их гораздо богаче. Козаки также дарят лошадей по обычаю своему, за что командиры их угощают, и это известно всему генералитету и Военной коллегии. По совести, он не помнит, чтоб взял с Кубышкина. По форме суда и указам Петра Великого доносителям и челобитчикам должно к суду явиться со всеми документами; Тевкелев, Бардукевич и Иноземцев ничего не доказали, справки вожены, и курьерам прогоны даваны напрасно. Чтоб судьям и приказным служителям, кто с суда платил жалованье, о том в указах и уложениях нет.

Между тем 21 мая Бестужев доложил императрице, что необходимо переменить астраханского губернатора, потому что он в ссоре с наместником Калмыцкого ханства; сам Татищев просит об увольнении от астраханского губернаторства, а наместник просит об отрешении Татищева от калмыцких дел. Императрица согласилась и назначила преемником Татищева обер-прокурора Брылкина. Но указ об этой перемене не подписывался целый месяц. 22 июня Бестужев опять доложил, что Татищева надобно поскорее переменить, потому что Дундук-Даши по вражде к нему может уйти на Кубань или в Персию. Елисавета отвечала, что перемена уже решена, но исполнена будет после свадьбы великого князя.

В самом Сенате приговор над Татищевым не обошелся без протеста. Обер-прокурор Брылкин объявил, что имеет сумнительства: 1) присужденные комиссиею ко взысканию с про-

чих деньги взыскать велено с одного Татищева, а те люди на него по нескольким пунктам не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивым указам 1741 и 1744 годов, и губернатором быть не велено, тогда как в этих указах повелено возвращенных из ссылки годных определить по-прежнему в службу и к делам.

После брачных торжеств указ написан в таком смысле, что Татищеву, сдав дела своему преемнику, ехать из Астрахани и для излечения болезни жить в деревнях. Татищев рапортовал в Сенат, что за высочайшую милость рабски благодарствует, что у него есть деревни в Дмитревском уезде, но за тяжкою болезнью доехать до них не может, а будет зимовать где случится на пути. Зимовать пришлось ему в симбирской деревне его сына, откуда он написал последнее из дошедших до нас письмо к Черкасову. Татищев умирал для служебной деятельности, и последние слова его были о Петре Великом:

«О себе вам доношу: из Астрахани выехал я 17 ноября, а сюда, в симбирскую сына моего деревню, прибыл 22 декабря, и хотя мне дом приготовлен был в Симбирске, который я, будучи в Самаре, для приезда построил, но, избегая от людей беспокойства, рассудил жить здесь; однако ж и тут хотя благодарю бога, что в своем доме и от дел приказных досад не вижу, но другие не меньше досады наносят, во-первых, что такую трудную езду болезнь паки отяготила, и для пользования не токмо доктора, но лекаря достать не могу; второе, хотя здесь недалеко драгуны на квартирах стоят, но разбои в самой близости чинятся: за пять дней до моего приезда близ моей деревни разбили завод винный, где вблизи стоял капитан с ротой, но никакого взыскания не учинил, и если сие для великой здесь в житах дороговизны происходит, то к весне, бесспорно, гораздо оных умножится, понеже многие крестьяне чем сеять не имеют. Третье, многие купцы и шляхетство, яко же и прочие, по знаемости приезжая, в разговорах с великою горестью и слезами приносят жалобы на воевод, полицеймейстеров, поставленных для искоренения воров по Волге и по винтер-квартирам офицеров и рядовых, и хотя я от них молчанием и рассуждениями причин отхожу, но по ревности моей к пользе отечества не могу без горести остаться, а паче видя, что за отдалением бедные люди скоро справедливости сыскать не могут, доходы же государственные невидимо умаляются, и притом, как вспоминаю намерение его импер. в-ства (Петра В.) о учреждении коллегии государственной экономии, чрез которую надеялся правосудие восстановить, а наглые немощные обиды и коварные ябеды пресечь, доход государственный без отягощения народа умножить и расход по достоинству и потребности уравнивать, чтоб войско жалованьем и прочим удовольствовать, а народ оному разорять способы и случаи пресечь, рассмотрение по пределам, где какие подданным пользы умножить, а вреды отвратить; о училищах, чрез которые б во всех обстоятельствах рассуждениями государству пользы приносились. Сие сначала, мнится, князь Яков Федорович сочинял, потом граф Брюс с Фиком и старым Любрасом изъяснял и дополнял, что я у него с немецкого на русский переводить давал. Начало оно было письмо в поллисте и на многих местах приписывано рукою его величества, токмо мне оно, кроме заглавия, читать не давал, а из перевоженных, может, нечто у меня осталось, все же оно, к великому государственному сожалению, кончиною его величества не токмо яко еще неизвестное угасло, но паче то сожалительно, что весьма государству полезные дела, которые уже при его величестве в действо произведены были, по нем разными образы уничтожены и пременены, так что горшие коварства и ябеды в судах, а немощных от сильных обиды и разорения происходить начали было, что всякому верному подданному вспомнить не безгорестно, ибо ее импер. в-ству неудобно о всем том ведать. Для избежания таких в отдалении горестных обстоятельств намерен я весною, если жив буду, переехать в дмитровскую деревню, которая от Москвы 50 верст, где я надеюсь всех тех тягостей и недовольств избежать; токмо прошу вас, государя моего, дать мне знать, не будет ли то противно: хотя в указе, где мне жить, точно не написано, но ваше было рассуждение, чтоб мне здесь жить».

С астраханским губернатором порешил Сенат, но от прошлого года оставалось дело о вятском архиерее Варлааме, с которым не легко было порешить. В первое же заседание по возвращении из Москвы, 11 января, Сенат выслушал донесение обоих, Варлаама и воеводы Писарева, и приказали: в св. Синод сообщить копии и написать, что для исследования дела надобно назначить достойную духовную особу, а Сенат со своей стороны назначит достойную светскую особу. Но дело замолкло на целый год. Синод хотел непременно отстоять архиерея в его ссоре с воеводою, несмотря на явную неправоту и архиерея, позволившего себе расправиться с воеводой вовсе не по-архипастырски. Между тем Синод не переставал требовать от Сената удовлетворения по другим случаям насилия светских властей над духовными лицами; Синод жаловался, что в Петербурге в полночь объездной из полицмейстерской канцелярии подпоручик Малер с драгунами разломал двери в доме дьякона Сергиевской церкви Иванова; драгуны, взявши дьякона с собою и привязав его к лошади на аркане, погнали на лошадях; в такой скорой езде, не могли бежать наравне с лошадьми, дьякон пал от бессилия и разбился о камень, но драгуны, не обратив на это внимания, поволокли его на аркане по земле и притащили в полицию под караул с великим ругательством, и от такого увечья дьякон едва через долгое время начал приходить в память. Так было в столице; что же в областях? В Старице в церковь св. Параскевы пришел ко всенощной подьячий Григорьев, и в то же время пришел к церкви прикащик дворянина Чоглокова Семенов с несколькими людьми и дожидался выхода Григорьева, чтоб его бить, потому что у Григорьева с помещиком Чоглоковым была ссора, неизвестно почему-то Семенов хотел прибить также и дьякона церкви св. Параскевы Федорова; зная об ожидавшей их участи, Григорьев и дьякон по отправлении всенощной из церкви не вышли и были в ней заперты священником. Во время литургии вошел в церковь сам Чоглоков; увидевши его, Григорьев ушел в алтарь, где и стоял безвыходно. После обедни Чоглоков из церкви вышел, но прикащик его с товарищами остался. Видя, что Григорьев не выходит из алтаря, они подошли к алтарю, начали заглядывать туда, потом врываться; один из них, чтоб схватить Григорьева, ходил прямо между престолом и царскими дверями, а Григорьев оборонялся от него обнаженным кортиком, держась другою рукою за престол. Семенов с товарищами подавали голос сквозь царские двери, вызывали Григорьева с великим сквернословием и шумом. Дьякон стал было в северных дверях, чтоб не пускать нападающих в алтарь, но один из людей Чоглокова ударил его рукою в висок, другие схватили его за волосы, вытащили вон из церкви и отдали стоявшим подле нее крестьянам Чоглокова под стражу. Явился староста поповский, но освободить Григорьева не мог; ходил за помощью к воеводе, но тот никакой помощи не дал, вследствие чего Григорьев с женою, дочерью и племянницею, вошедшими во время литургии, оставался около суток запертым в церкви, окруженной толпою народа с дубьем; наконец пришел коллежский асессор Сытин, отогнал от церкви крестьян Чоглокова и выпустил Григорьева с семьею.

Приходили жалобы с востока по поводу обращения инородцев. Синод давал знать Сенату, что Ярцев по-прежнему жалуется на несносные обиды новокрещеным: так, в одном сельце разорили их драгуны, которые даже забрали лес, приготовленный на строение церкви, и употребили его на конюшни. Новокрещены уже не требуют за обращение в христианство денежного награждения, просят только милостивого указа об охране их от обид. Сенат распоряжался как мог: приказал Военной коллегии исследовать, взятое насильно взыскать с виновных и впредь насилий не делать. Нижегородский архиерей Димитрий все не ладил с мордвою; он доносил, что в Терюшевской волости в деревнях Романихе, Березниковой, Ключихе мордва имела многочисленное собрание и посланного для крещения желающих в селе Сарлей попа Алексея Мокеева били смертно, а на посланного с командою для взыскания доимок дворянина Безделкина нападали многолюдством; команда заперлась в избе, все исповедались и причастились, готовясь к смерти. Послана была другая команда, но и ее начальник донес, что не сладит, мордва собралась многолюдством с рогатинами, бердышами, стрелами и дубьем, взять

себя не дают и помощь к ним идет из других деревень, все некрещеная мордва. Отправлен был драгунский капитан Иван Аксаков с 75 человеками, и скоро губернская канцелярия известила, что вся мордва приняла крещение, и потому надобно ли следовать дело о попе Мокееве? Сенат отвечал, что не нужно следовать и объявить мордве, что хотя она подлежала жесточайшим истязаниям и смертной казни, но за восприятие христианства прощается. Но скоро потом мордва той же Терюшевской волости подала просьбу императрице, что епископ Димитрий насильно принуждает ее к принятию христианства, держит многих под крепким караулом в кандалах и колодках, бьет мучительно, смертно; многих и в купель окунали связанных и крест надевали на связанных же; кладбища их и моленные амбары архиерей все пожег и дома разорил, от чего многие разбежались и живут в лесах, оставшиеся пришли в конечное разорение, так что податей и помещичьяго доходу стало платить нечем. По выезде своем из их волости Димитрий оставил протопопа, который бьет их и мучит, а губернская канцелярия правит на них подушные доимочные деньги 7000 рублей будто за принявших православную веру. Сенат приказал: так как в Терюшевской волости осталось мало некрещеных и 7000 заплатить нельзя, то подождать взыскивать до будущего разрешения; в Синод сообщить ведение, чтоб отнюдь принуждения к вере не было, и Синоду рассмотреть дело по мордовской челобитной. Но кроме мордвы роковой Терюшевской волости и чуваша Ядринского и Курмышского уездов подали просьбу императрице на игумена Неофита, на курмышского протопопа Киприанова, на двоих дьячков и крестьян Дудина монастыря, что били их мучительно, разоряли и крестили неволею. Кроме мордвы и чуваш обращаемы были в христианство калмыки, крещеные владельцы которых увеличивали собою число русских княжеских фамилий: крестившейся ханше, вдове Дундук-Омбо, названной Верою, велено называться княгинею, двум ее дочерям – Надежде и Любви – княжнами, сыновьям – Петру, Алексею, Ионе и Филиппу – князьями Дундуковыми. На востоке распространяли христианство между инородцами; на западе хотели охранить православие у своих русских и соплеменников православных. 15 июня Елисавета при докладе канцлера с удовольствием говорила о дворянах посольства в Париже, о которых получила известие, что хорошо там учатся, но при этом велела туда отписать, чтоб они особенно веры и закона не забывали, а так как русской церкви и священника в то время там не было, то велела отправить в Париж церковь с утварью и священником как для дворян посольства, так и для других русских людей, которые там временно бывают; также велела отправить церкви и ко всем дворам, где министрами были русские. Еще прежде, будучи в Иностранной коллегии для слушания дел, императрица приказала, между прочим, хотя не теперь, но со временем приложить старание, чтоб в Вене находящимся там единоверным греческого исповедания людям позволено было иметь публичные церкви и при них колокола, взаимно, как в России такое позволение дается для римских церквей.

Сильно продолжала занимать Синод секта вертящихся, которую начали называть хлыстовщиною и христовщиною, указывали также на сходство ее с квакерской сектой. Так как открывали все более и более членов этой секты, то в начале года учредили особую следственную комиссию в Москве из троих светских членов (Берг-коллегии советника Казаринова с двумя ассессорами) и из троих духовных (московской Славено-греко-латинской академии ректора архимандрита Порфирия с двумя белыми священниками). Армянам отказано было в позволении отправлять богослужение в старых их церквях. В описываемое время у Сената с Синодом происходила любопытная переписка относительно продажи церковных книг по более дешевым ценам. На желание Сената понизить цены Синод отвечал, что возвышение цен происходит от торгующих книгами в Москве вне типографии на Спасском мосту (у Спасских ворот) и в рядах, и хотя Синод прилагал всевозможное старание, чтоб не торговали книгами вне типографии, и запрещал, однако продажа эта все продолжается. Тогда Сенат приказал сообщить св. Синоду ведение, что нельзя запрещать продажу книг из лавок вне типографии, потому что от такого запрещения многим людям может произойти большое отягощение и обида; так не

соблаговолит ли св. Синод положить книгам продажные цены умеренные и чтоб продавались они всегда безостановочно. Когда цены будут положены умеренные и книг будет в продаже достаточно, то никто не захочет покупать их в лавках по более высокой цене, все станут обращаться в типографию, и, чтоб купцы в Москве и в городах на ярмарках не продавали книг дорогою ценою, за этим будут смотреть Камер-коллегия и Главный магистрат.

Сенат хлопотал о дешевизне церковных книг, но в продаже все не было той книги, о скорейшем издании которой заботилась императрица по завещанию отца своего. Мы видели, что пересмотр библии замедлился в Синоде в 1744 году и старший член его, Амвросий Юшкевич, отказался от пересмотра. 8 ноября описываемого года Синод опять получил именной указ – библию, исправленную Феофилактом Лопатинским, непременно издать в этом году для народного употребления; если же члены св. Синода это исправление считают в чем-нибудь недостаточным или кто-нибудь из них в чем сомневается, то представили бы письменно свои мнения. 18 ноября члены Синода подписали определение, в котором о той библии «рассудили, что она без должного тех, кои ее исправляли, заручения находится чрез многопрошедшее время и сумнительно есть, нет ли в ней каковой попорчки, чего ради оную без оговора печати предать опасно, и определили оную с печатною словенскою прочесть и исправить». Исправление было поручено архимандриту Илариону. Дело затянулось еще на несколько лет. Кроме издания библии Синод получил чрез своего обер-прокурора князя Шаховского еще повеление императрицы, чтоб проповедники, назначаемые в придворную церковь, говорили проповеди наизусть, а не по тетради. К описываемому времени относится первая мысль об иностранной цензуре, которую также должен был бы взять на себя Синод. 11 ноября при докладе канцлера Елисавета приказала: привозимые на кораблях и сухим путем книги отбирать и объявлять Синоду, нет ли в них противностей вере. И когда указ был написан и Елисавета выслушала его, то Бестужев представил, что такое распоряжение будет очень тяжело, так что никому нельзя будет достать из чужих краев никаких нужных для обучения и исторических книг, ибо когда все такие книги будут свидетельствовать, то для прочтения каждой потребуется немалое время, и, кому она будет надобна, тот дожидаться может. Пусть таким образом свидетельствуются только церковные книги, а прочие, исторические и другие, пусть свободно привозятся и в народе употребляются. Императрица оставила указ у себя для рассуждения с архиереем крутицким.

Из забот по хозяйству империи Сенат по-прежнему тяготила забота о правильном снабжении областей солью. Эти продолжительные хлопоты о соли любопытны для нас потому, что вскрывают главную беду древней и новой России – недостаток рабочих рук. В январе Сенат уже представлял императрице, что он определил выдавать заимообразно баронам Строгановым немалую сумму денег для вывозки и доставки соли, но они денег не берут, говоря, что входить в казенные долги не желают, и ждут решения императрицы на поданное ими прошение о взятии их варниц в казну, а Сенат опасается, что соли доставлено не будет. В следующем месяце Строгановы объявили, что соль готова, но как ее провезть? Работников с печатными паспортами нет, а письменными не велят брать. Приготовляться к выварке на 1746 год им нельзя, потому что денег нет вследствие прошлогодних убытков, а послать к марту месяцу надобно до 70000 рублей. Соляная контора дает им займы до 30000 рублей, но они боятся взять, потому что не надеются отдать. Всего нужно теперь им денег 199437 рублей, но такую сумму едва можно будет получить от продажи через год. Прибавка по копейке на пуд вознаградить их не может, тем более что продажа с прибавочною копейкою будет происходить в 46-м и 47-м годах и деньги возвращаться будут разве через два года; да и не в одних деньгах дело: подрядчики отказались везти соль за неимением работников и за другими озлоблениями, почему поставку соли из Нижнего в верховые города они, Строгановы, ни за какое награждение производить не в состоянии. Делать нечего, надобно было приниматься за старину, и генералу Юшкову велено было весною озаботиться поставкою работников на суда с солью, как было в 1744 году. Губер-

наторы и воеводы будут отвечать, если к сроку не вышлют людей. Денег должны были платить Строгановы и другие промышленники столько же, сколько платили бы вольным работникам.

Прошло два месяца. В мае Строгановы опять доносят, что к отпуску 745 года соли у них свезено сколько было возможно, суда под нее и приписаны, и приготовлены, но в рабочих людях при промыслах великий недостаток, так что по 1 апреля ни вольных с печатными паспортами, ни подрядных по указу к промыслам ни одного человека не явилось. Также из Нижнего Новгорода приказчик пишет, что посланный им в Казанскую губернию служить с готовыми деньгами для найма на устье Камском прибавочных для волжского верхового хода работников отыскал только из иноверцев 300 человек, и то без паспортов. Подрядчики для отправления соли из Нижнего до верховых городов просят за провоз цену несносную, и, зная свое совершенное изнеможение, они, Строгановы, в дальнейшие договоры с подрядчиками вступать опасаются. Строгановы требовали, чтоб назначена была особенная комиссия для освидетельствования всех их доходов и расходов как при выварке, так и при поставке соли. Требовали освидетельствовать заключение подрядов, путевые страхи, усышку и утечку. Требовали, чтоб подрядчикам для обороны от обид, наносимых разными командами, дать от Сената печатные охранные указы, ибо подрядчики вносят в договор, что если случатся им приметки или обиды от какой-нибудь команды, то обязательства их недействительны. Сенат велел послать указы губернаторам и воеводам выслать рабочих, подрядчикам препятствий не делать, оказывать всякую помощь, но велел также отвечать Строгановым, что они не имеют права требовать денег на разные расходы, потому что им прибавлено по копейке с пуда и по прежнему освидетельствованию видно, что они получают немалую прибыль и награждены освобождением от пошлин.

По донесению Юшкова в отпуску пермской соли было 4264077 пудов. Но Строгановы в июне опять подали жалобу в Сенат, что подряженные и обзаточенные ими люди нечаянно от работ отлучаются по нарядам от правительства, а иные задатки приносят обратно во время крайней нужды и к работе их неволею принудить никак нельзя, вместо же их других сыскать негде, притом нанимают и задатки раздают на работников годных, а во время отпуску на ладьи приходят малолетние и в работу негодные, которых за неимением других переменить уже нечем. Сенат приказал выслать на строгановские суда работников, взявших задатки. Сенату, видимо, наскучили постоянные жалобы Строгановых, и потому он определил: впредь Строгановым о соляных делах представлять и решения требовать от соляной конторы и, чего конторе самой делать нельзя, о том она должна представлять в Сенат. Но как нарочно, только что, казалось, отделались от Строгановых, как с противоположного угла является жалоба на то же самое и по тому же поводу. Астраханская губернская канцелярия прислала донесение, что в поставке соли с озер к Астрахани и до верховых городов препятствует недостаток в рабочих людях; при торгах подрядчики объявили, что рабочие люди, взяв задатки, бегут; притом холст на паруса и мешки дорог: прежде покупали тысячу аршин по 18 и 20 рублей, а ныне покупают по 32 и по 33 рубля. В верховых городах сыщики на заставах берут рабочих людей. В 1744 году с судна подрядчика Курочкина сыщик взял 60 человек и приказчика, по этим причинам подрядчики поставили провозные цены чрезмерно дорогие: до Нижнего по 19 копеек за пуд, чего никогда не бывало. Соляная контора подтвердила астраханское донесение, что в Нижнем и других местах подрядчикам и рабочим, везущим соль, обиды, задержки и взятки от комиссии розыскных дел, отчего в найме рабочих на суда немалое помешательство. Сенат приказал прекратить эти притеснения под страхом воинского суда, но полковник Фраундорф донес из Нижнего, что на соляных судах явилось немалое число беглых крестьян, рекрут и разбойников, а теперь запрещено эти суда задерживать; как же быть? Сенат отвечал: осматривать, но не задерживать; кто явится подозрителен, того брать, но судно не останавливать.

Кончились хлопоты насчет 745 года; пришла осень, и начались хлопоты относительно поставки в будущем, 746 году. Григорий Демидов отказался вываривать соль, потому что нет

денег на заготовку дров. Сенат приказал принудить его к выварке соли, потому что он от продажи соли и данных ему в ссуду денег получил более 44000 рублей с небольшим в один год, несравненно более других промышленников; притом же Демидов и в промысел вступил с немалым награждением от отца. Строгановы опять объявили, что не в состоянии вывозить прежнего количества соли. Сенат велел обязать их поставить соль в указные места около трех миллионов пудов, потому что они прибыли получают от каждого пуда по 4 копейки без некоторых долей, за поставку соли в Нижнем получают по 9 копеек с пуда, и хотя при провозе от Нижнего до верховых городов могут случиться некоторые убытки, однако они вознаграждаются барышом от выварки соли и поставки ее до Нижнего. Но Строгановы представили показания своих приказчиков: крестьянам – поставщикам дров наперед роздана немалая сумма на 72 варницы, но поблизости леса уже вырублены, надобно доставлять дрова издалека, а тут разные беды, маловодье, жестокие бури, так что пропало 17783 сажени, чего вознаградить уже никак нельзя, ибо дрова ставили вверх Камы за несколько сот верст и на поставщиках задаточных денег в доимке немалая сумма, которой за их крайним изнеможением взыскать никак нельзя; от этого промыслам конечная несостоятельность, и выварить указанного числа – 3 миллиона пудов – нельзя, потому что дров будет только 139187 сажень, которыми можно выварить 2780000 пудов. Соляная контора представила Сенату, что надобно непременно заставить Строгановых выварить три миллиона пудов, иначе грозит страшная опасность. Мелкие соляные пермские промышленники не в состоянии доставить требуемого числа соли. Демидов, у которого в год вываривалось до 264000 пудов, прекратил работы с мая месяца. Отпуск бузуну из Астрахани явился неполный за недостатком рабочих людей. Сенат приказал: принудить Строгановых вываривать соль и дрова пусть вывозят зимой.

Соляные промышленники отказывались вываривать и доставлять соль. Содержатели железных заводов Балашов, Миллер, Данилов и Миляковы представляли в Берг-коллегию, что не в состоянии выплачивать доимку. Мнения членов коллегии разделились: президент и вице-президент считали представления заводчиков основательными, но остальные члены и с ними прокурор думали иначе, и прокурор жаловался Сенату, что президент и вице-президент не обращают внимания на его протест. Тот же прокурор Суворов доносил, что многим заводчикам под железные и минеральные заводы отведены государственные земли и угодья, они лес и дрова употребляют из этих угодий, но за земли, за лес и дрова ничего не платят вопреки берг-привилегии и берг-регламенту.

Еще со времен Петра Великого, как мы видели, шел важный для русской промышленности вопрос о выделке широких или узких холстов. По господствовавшему тогда повсюду правилу старалось выпускать за границу как можно более уже выделанных товаров, и так как за границу требовались широкие холсты, то запрещалось выделывать узкие; но чрез такое запрещение производство останавливалось, потому что крестьянам трудно было вдруг перейти от одного способа выделки к другому, и холста не доставало для удовлетворения внутренних потребностей. Главный комиссариат представил, что ежегодно требуется большое количество холста для войска, и холст этот обыкновенно покупался не с фабрик, а у крестьян, и так как выделка узкого холста запрещена, то и небольшого количества холста достать негде и в полках может последовать большой недостаток. Вследствие этого представления разрешено выделывать широкие и узкие всяких рук полотна и холсты.

Относительно сукон комиссариат продолжал жаловаться на фабрикантов и Мануфактур-коллегию, заступавшуюся за фабрикантов. Комиссариат доносил, что фабриканты доставили 1940 половинок сукна и из них 1188 несходных с образцами. Сенат велел своей московской конторе призвать всех фабрикантов и объявить, чтоб впредь сукно ставили по образцам, и хотя нынешней поставки сукна у них приняты по самой крайней нужде, но если в другой раз они поставят такие же, то подвергнутся не только штрафу, но и наказанию непременно, без всяких отговорок. Призвать также в контору президента и всех членов Мануфактур-коллегии и

сделать выговор, что смотрят за фабрикантами очень слабо. Сам Сенат видит из доставленных комиссариатом образцов, что сукна очень плохи, иные недовалены и шишковаты, за что коллегия подлежит жестокому штрафу. Быть может, не без участия комиссариата, желавшего иметь фабрики в одном своем заведывании, в конце года фабрикант Суровщиков объявил, что он положенное количество сукон поставить не может, потому что фабриканты состоят под двумя ведомствами – комиссариата и Мануфактур-коллегии – и фабрики не могут быть исправны за частыми отлучками содержателей их в разные командировки, и если он, Суровщиков, в ведении одного главного комиссариата не будет, то пусть возьмут его фабрику в казну.

Выделка шелковых материй шла вперед благодаря мастерам, посланным за границу Петром Великим. Елисавета дала поруческие чины мастерам из дворян Ивкову и Водилову, которые были отправлены отцом ее в Италию и Францию и теперь жили на московской шелковой мануфактуре и завели здесь бархатные, грезетные, штофные и тафтяные станы; Ивков научил делать травчатого дела бархат, какого прежде в России не делалось, а Водилов научил делать английские штофы, грезеты, тафты, которых прежде не было.

Из Перми и из Астрахани по поводу доставки соли приходили жалобы на недостаток людей; но такие же жалобы приходили и из других мест, недоставало людей в канцеляриях. Определенный для сыску воров и разбойников подполковник Львов доносил о крайнем недостатке приказных служителей, вследствие чего 200 колодников ждут решения своих дел; он требовал приказных служителей от казанской губернской канцелярии, а та прислала ему тех, которые в канцелярию генеральной ревизии не приняты за негодностью. Сенат велел казанской губернской канцелярии удовлетворить Львова без отговорок. Дело было важное, и дела было много у Львова с товарищами. Опять обнаружилось разбои в 25 и 35 верстах от Москвы. Определенный для сыску разбойников полковник Греков доносил, что разбойники появились по Оке, в уезде Переяславля Рязанского. В Сибири колодники, назначенные в ссылку, более 200 человек, когда их везли в судах по Иртышу, взбунтовались, стали разбойничать по Оби, хвалясь разорить город Сургут, а в Сургуте не было и полфунта пороху, пушки ни одной. Решения по разбойным делам замедлялись не по одному недостатку приказных служителей. Юстиц-коллегия прислала в Сенат экстракт из дела, которое тянулось лет тридцать. Воровские люди, в том числе крестьяне стольника Милославского, разорили деревню помещиков Машкеевых в Касимовском уезде. Преображенский приказ решил взыскать с Милославского 3000 рублей, но в 720 году по челобитной Милославского и по письму князя Ромодановского, управлявшего Преображенским приказом, этих денег на Милославском до указа править не велено; в 1724 году по приговору Ромодановского дела и колодники отосланы для следствия в шацкую провинциальную канцелярию; в 1728 году по указу из Сената велено дело взять в воронежскую губернскую канцелярию, но отсылки дела туда не значится, и потому Юстиц-коллегия спрашивала, что делать? Сенат приказал отослать дело в воронежскую губернскую канцелярию. Если недостаток в людях так чувствовался в разных отправлениях государственной и народной жизни, то оказалась и польза от него: он отстранял жестокость в следствиях по разбойным делам. Так, уже известный нам полковник Львов доносил, что отправленные им на поиски офицеры прислали ему беглых солдат и рекрут более 70 человек, которые показали, что в бегах покупали фальшивые паспорта у разных неведомых бурлаков, а более подозрительными себя не показали; они очень молоды и видные собою люди, и если их за покупку паспортов разыскивать, то уже они к службе будут негодны. Сенат приказал: наказав их плетью, отослать для определения в службу в Выборгский и Кексгольмский гарнизонные полки.

Кроме разбоев в городах и деревнях терпели от пожаров. Были большие пожары в Москве, Новгороде, Смоленске, Ельце. На пожарах бывали иногда любопытные случаи: казанский полицеймейстер Маматов жаловался на губернатора Загряжского, что тот во время пожара, приехав со псовой охоты, наезжал на него, Маматова, на лошади, при всем народе бил по голове и бранил шельмою, канальею и пьяницею. Губернатор, оправдывая себя, жаловался

на слабые поступки полицеймейстера. В описываемое время некоторые части России страдали еще от скотского падежа; меры, употреблявшиеся для прекращения бедствия, были следующие: лошади приезжающих из зараженных мест должны были выдерживать карантин; палые животные зарывались в дальних местах в глубокие ямы, кожи с них снимать не позволялось; около зараженных мест учреждены были заставы. В Петербурге правительство по-прежнему должно было охранять жителей от степной привычки скорой езды. Императрица дала полиции изустный указ: 1) извозчикам ездить на возжах, только бы лошади были взнузданы и ездил бы рысью, тихо, и не скакали и сани были бы подкованы; извозчикам быть в серых кафтанах неразодранных, в кушаках красных, в сапогах и в одинаковых шапках зеленых, а на левых руках были бы номера. Тут же разрешено ездить цугами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.